

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1951

ЛЕНИНГРАД

А. И. Исхаков

О ПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВАХ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В казахском языке существует весьма многочисленная группа слов, которая как по происхождению, так и по структуре резко отличается от других категорий слов. Я имею в виду так называемые «звукоподражательные» и «образные» слова, которые все еще не стали объектом исследования лингвистов-казахovedов. Этот вопрос абсолютно никем не затронут, так что мы даже не можем назвать ни одной работы, где бы данный вопрос был хотя бы косвенно задет, не говоря уже о специальном исследовании.

Для обстоятельного исследования и полного выявления всех форм и путей образования и происхождения этого рода слов должен быть достаточный материал из художественной литературы, фольклора и устной разговорной речи. Наш скромный материал, собственно и наши выводы, которые будут изложены ниже, далеко не претендуют на всесторонний и полный охват вопросов затрагиваемой темы. Но, тем не менее, в данном своем сообщении, опираясь на фактический материал, собранный мною, я намерен остановиться на некоторых особенностях данной категории слов, которые, на мой взгляд, являются основными для выявления и выделения их из среды других категорий слов.

Итак, эту группу слов, о которой идет речь, я называю «подражательными» словами. Подражательные слова в казахском языке делятся на две подгруппы: звукоподражательные слова и образные слова,

Как объединение, так и деление указанной группы слов нами делается из того соображения, что между этими двумя группами слов есть и общая особенность, объединяющая их в одну группу, а также есть и отличие, которое несколько разъединяет их друг от друга. Остановимся на каждой из этих подгрупп слов.

1. Звукоподражательные слова. Они представляют собою как бы подражание звукам разнообразных явлений (как живой, так и неживой) природы. Основой такого звукоподражательного слова служит обычно какой-либо сложный звук, издаваемый одушевленными и неодушевленными предметами, который состоит чаще из одного, реже из двух закрытых слогов, например: *мыттық тарс етті* 'ружье «трах»', *қарға қарқ етті* 'ворона «карк»'.

В первом предложении комплекс звуков *тарс* передает тот звук, который происходит при выстреле из ружья, а во втором *карк* — тот звук, который слышится при карканье вороны. В виде первичных основ они не изменяемы, но от них образуются новые производные слова. Последние образуются несколькими путями: во-первых, к основе такого рода звукоподражательного слова присоединяются аффиксы и образуются новые слова — имена (названия воспринятых слухом звуков), например: *тарсыл* 'выстрел', *каркыл* 'карканье'. Это производное имя может по мере надобности изменяться по падежам, числам, притяжательной форме и т. д., дальше от этого производного имени свободно образуется глагол путем прибавления аффиксов *ла-ле, да-де*, например: *тарсылда* (ды), *каркылда* (ды).

Во-вторых, путем двукратного повторения первоначальной звукоподражательной основы образуется новое самостоятельное слово, которое морфологически абсолютно не подвергается изменениям, синтаксически сочетается только с глагольными словами и в предложении всегда выступает в качестве обстоятельства образа действия. Иначе говоря, образуется парное звукоподражательное наречие с своеобразной структурой и устойчивым семантико-лексическим значением; ср., например, слова в следующих примерах соответственно вышеперечисленным:

1) *мылтык, тарс этти* 'ружье «трах» — звукоподражательное слово входит в состав сложного (составного) сказуемого, состоящего из *тарс* и вспомогательного глагола *етти*; однако следует отметить, что *тарс этти* обозначает, что действие *тарс* совершилось только один раз (однократно);

2) *кўлакка тарсыл етилди* — здесь слово *тарсыл* выступает в качестве подлежащего данного предложения; а если *мен бир тарсыл етидим*, то *тарсыл* — прямое дополнение;

3) *мылтык, тарсылдады*; в данном примере *тарсылдады* — производный глагол, выступает в качестве сказуемого; однако этот глагол обозначает, что действие *тарсыл* совершилось несколько раз, повторно, в отличие от сказуемого *тарс этти*, где действие *тарс*, как было сказано выше, совершилось только один раз;

4) *тарсыл кўлакка тарс-тарс етилди*, т. е. *тарсыл* 'стук' слышался *тарс-тарс* 'стук-стук'; здесь парное неизменяемое слово-наречие выступает как обстоятельство, поясняющее глагол; однако *тарс-тарс* одновременно обозначает, что действие совершалось с перерывом.

Следует отметить, что как первоначальная, так и парные формы такого звукоподражательного слова могут сочетаться и с вспомогательными и с основными глаголами, например: *тарс этти, тарс-тарс этти, еси: тарс-тарс жабылды* и *есикти тарс-турс урды* 'дверь закрылась тарс-тарс', 'в дверь (кто-то) бьет тарс-тарс'.

Разница между этими сочетаниями заключается в том, что в первых двух сочетаниях звукоподражательные слова *тарс* и *тарс-тарс* входят в неразрывный состав сложного (аналитического) слова, которое дает одно

понятие и выступает в предложении в качестве только лишь одного члена (сказуемого). Но между семантикой их есть существенная разница, заключающаяся в том, что в первом действии *тарс* совершилось только один раз, а во втором оно (действие *тарс*) происходило несколько раз, неоднократно. В третьем и четвертом сочетаниях оно употреблено с основным глаголом, следовательно и *тарс* и *тарс-тарс* выступают самостоятельно и лексически (как самостоятельно значимые слова) и синтаксически (как самостоятельные члены предложения); однако разница в семантических оттенках между ними остается такой же, как и между первым и вторым сочетаниями.

Считаю своим долгом остановиться еще на некоторых особенностях таких звукоподражательных слов. Первая особенность заключается в том, что от первоначальной основы такого звукоподражательного слова путем удвоения образуется новое слово, которое и по форме и по семантическому оттенку несколько отличается от своей первоосновы, о которой мы говорили выше (*тарс-тарс*). Форма, о которой идет, вернее должна идти речь, образуется таким образом: берется первоначальная основа звукоподражательного слова (у нас это будет *тарс*) и к ней приставляется та же основа, но коренной гласный звук *а* заменяется губным узким гласным *ү* во втором компоненте (паре), например: *тарс-тарс* — *тарс-түрс*, *сарт-сарт* — *сарт-сүрт*, *сатыр-сатыр* — *сатыр-сүтыр* и т. д.

Как видно, кроме изменения гласного звука, т. е. перехода звука *а* в *ү*, ничего не происходит. Однако это изменение служит своеобразной формой для изменения и оттенка в семантике данного слова. Достаточно изменить *тарс-тарс* в *тарс-түрс*, и мы в оттенках их значения находим уже не одно и то же. Предложение *біреу есікті тарс-тарс үрды* означает, что в дверь кто-то стучит (бьет) сильно, но монотонно, т. е. одним и тем же темпом удара: *тарс*, еще *тарс* и т. д. А если слова *тарс-тарс* в указанном предложении изменим в *тарс-түрс*, т. е. скажем *біреу есікті тарс-түрс үрды*, то хотя построение и смысл предложения остаются теми же, но определение глагола дает несколько иной оттенок значения, т. е. удар (*тарс*) в дверь производится не равномерно, не одним и тем же темпом, а разными темпами: *тарс*, потом *түрс*, опять *тарс*, а потом снова *түрс*, иначе говоря то слабее, то сильнее, чередуя один темп удара с другим. Таким образом, в этом случае второй компонент (вторая пара) как бы является рифмованным отзвуком первого компонента (первой основы), т. е. «словом — эхом». Функционально *тарс-түрс* и *тарс-тарс* ничем не отличаются друг от друга и одинаково могут сочетаться с одним и тем же глаголом и занимать одно и то же место; морфологически и то и другое неизменяемо, и то и другое, как часть речи, является наречием.

Необходимо остановиться еще на одной особенности удвоения некоторых звукоподражательных слов. Дело в том, что некоторые парные звукоподражательные слова, как *бүрқ-сарқ*, *сатыр-күтір*, *самбыр-күмбір* и другие, образованы не из одной и той же первоосновы, а из разных основ. Чем объяснить это явление? Является ли данный способ закономерным

или отступлением? В данном образовании я не вижу ничего случайного, странного, а наоборот, считаю, что такое образование является вполне закономерным фактом. Обратимся к примерам. Можно говорить: *қазандағы су сарқ-сарқ қайнап жатыр* и *қазандағы су бұрқ-бұрқ қайнап жатыр* 'вода в котле сильно (бурно) кипит'.

Следует отметить, что степень кипения воды здесь не одна и та же. Точно так же при этом получается не одно и то же слуховое ощущение или восприятие. Иначе говоря, при кипении звук *сарқ-сарқ* производит впечатление более сильное, чем при кипении звук *бұрқ-сарқ*, а этот последний звук производит впечатление более сильное, чем при кипении звук *бұрқ-бұрқ*. Следовательно, как образно-слуховое восприятие, так и семантика этих двух разных основ не адекватны, а синонимичны, т. е. в какой-то мере близки друг к другу. А если из этих двух разных синонимных основ образуем новое слово, т. е. *бұрқ-сарқ* (*қазандағы су бұрқ-сарқ қайнап жатыр*), то в нем объединяются все качества первоначальных звукоподражательных основ (*бұрқ* + *сарқ*), вместе взятых. Тем же путем можно объяснить причины удвоения и значение ему подобных звукоподражательных слов (ср. *сатыр-күтір*, *самбыр-күмбір*).

Одной из значительных особенностей звукоподражательных слов, на которой следует особо остановиться, является то, что некоторые из них (звукоподражательных слов), в зависимости от наличия в корне широкого или узкого гласного звуков, семантически между собою дифференцированы; ср., например, семантику звукоподражательных слов в следующих предложениях:

- 1) *есік тарс* (или *сарт*) *ете түсті*;
- 2) *есік тырс* (или *сырт*) *ете түсті*.

Стук или звук в первом предложении при словах *тарс* или *сарт*, где гласные звуки широкие (в том и другом *а*), совершается сильнее, чем во втором предложении при словах *тырс* и *сырт*, где гласные звуки узкие (в том и другом узкий гласный звук *ы*). Иначе говоря, при наличии широкого гласного звука звукоподражательное слово изображает сложный, но сильный звук, а при узком гласном — менее сильный или слабый звук, хотя при том и другом сложный звук остается кратким. Эта же закономерность сохраняется в силе и при новых образованиях — как при присоединении аффиксов, так и при повторах. Ср. следующие пары:

1) <i>тарсыл</i> — <i>тырсыл</i> , ¹	2) <i>тарсылдайды</i> — <i>тырсылдайды</i> ,
3) <i>сартыл</i> — <i>сыртыл</i> ,	4) <i>сартылдайды</i> — <i>сыртылдайды</i> ,
5) <i>Тарс-тарс</i> , <i>тырс-тырс</i> ,	6) <i>сарт-сарт</i> , <i>сырт-сырт</i> ,
7) <i>қарш-қарш</i> , <i>қырш-қырш</i> ,	8) <i>шыңқ-шаңқ</i> , <i>шыңқ-шыңқ</i> ,
9) <i>шақ-шақ</i> , <i>шық-шық</i> ,	10) <i>борт-борт</i> , <i>бырт-бырт</i> .

¹ Звукоподражательные слова переводу на русский язык не поддаются. Различные оттенки звука передаются различной огласовкой при одних и тех же согласных.

Следует отметить также и вторую особенность, заключающуюся в том, что смягчение гласных звуков (соответственно и изменение некоторых согласных) в корне звукоподражательного слова вызывает изменение в оттенках значения их; ср., например, оттенки следующих звукоподражательных слов:

*шаңқ-шаңқ, шыңқ-шыңқ, шіңк-шіңк;
қарш-қарш, қыриш-қыриш, кіриш-кіриш.*

В этой же связи небезинтересно будет упомянуть название известной казахской сказки «Тобыз тоңқылдақ, бір шіңкілдек» («Девять драчунов [перевод приблизительный], один пискун»), где слово *тоңқылдақ*, производное от первоначального звукоподражательного слова *тоңқ* посредством слуховых впечатлений (ощущений), обозначает одновременно и силу, и грубость как самих девяти братьев, так и действий-поступков их, тогда как слово *шіңкілдек*, производное от звукоподражательного слова *шіңк*, обозначает слабость и бессилие как самого десятого брата, так и его действий по отношению к своим девяти собратьям.

Ср. еще следующие примеры из художественной литературы:

1) *социалистік индустрияның доңгелегі зыр жүгірді* (Б. М ұ с т а Ф и н. Өлім мен Өмір) «Колесо социалистической индустрии двигалось (вертелось) быстро»;

2) *Горбатов сақ-сақ күлді* (Б. М ұ с т а Ф и н. Өлім мен Өмір) «Горбатов залился хохотом»;

3) *колхоздың қара сабалары күмп-күмп пісілді* (Ғ. М ұ с т а Ф и н) «Колхозные черные саба (мехи для кумыса, бурдюки) бултыхались» (*күмп-күмп* — звук от взбалтывания кумыса);

4) *кешікпей табы да оқ дауысы гүрс-гүрс шықты* (Б. С л а н о в. Дөң асқан) «Немедля опять раздалась выстрелы, сопровождавшиеся грохотом»;

5) *боз, күрең, қара, жирен, ала, шұбар өтеді ауыздығын қарш-қарш шайнап* (Жамбыл) «Белые, темнорыжие, воронные, рыжие, пегие и чубарые (кони) проходят, закусив удила, лязгая»;

6) *күн жерістің ескі тәсілдері, ескі салт-сана, әдет-бұрып шірік шүберектей дыр-дыр жыртылып жатты* (Б. М ұ с т а Ф и н. Өлім мен өмір) «Старые способы существования (жизни), старая идеология, обычай и нравы разорвались на части, как старые тряпки»;

7) *Сүгір есікті тарс жауып, жоқ боп кетті* «Сугур исчез, крепко захлопнув дверь»;

8) *мен болаттай сарт-сұрт сынармын* («Қарасай, Қазы») «Я ломаюсь, скрежеща, как сталь».

Следующие слова относятся к звукоподражательным: *тарс-турс, шарт-шұрт, шарт-шарт, шақыр-шақыр, шақыр-шұқыр, ныш-ныш, шеп-шеп,*

тырт-тырт, сатыр-күтір, дуңк-дуңк, борт-борт, тық-тық, күрт-күрт, күбір-күбір, ныс-ныс, быр-быр, гүр-гүр, зыр-зыр, дар-дар и др.

Таким образом, звукоподражательные слова, во-первых, обладают самостоятельным лексическим значением, во-вторых, обладают внешней (формальной) структурой, в-третьих, и в первоначальной и в удвоенной (парной) форме они примыкают непосредственно к глаголу в качестве наречия, в-четвертых, как в первоначальной, так и в удвоенной (парной) форме они синтаксически функционируют как обстоятельства образа действия, в-пятых, изменение гласных звуков первоосновы звукоподражательного слова вызывает изменение семантики его, и, в-шестых, от основы звукоподражательного слова путем соединения определенных аффиксов образуется имя и глагол.

Звукоподражательные слова весьма обычны, т. е. очень часто употребляются как в устной речи, так и в фольклоре и в художественной литературе всех жанров, придавая языку красочность и выразительность.

Простые звукоподражательные слова, состоящие из одного или двух звуков, редки. Наиболее обычным и распространенным типом их являются звукоподражательные слова, состоящие из трех и более звуков.

Можно предполагать, что основы нижеперечисленных и подобных им глаголов, а также некоторых имен являются подражаниями тем или иным звукам, например: *нықыру* 'фыркать' (о лошади), *тушқыру* 'чихать', *қышқыру* 'кричать', *кежіру* 'рыгать', *бақыру* 'орать', *ақыру* 'орать', 'кричать', *шақыру* 'звать', 'кричать', *ысқыру* 'свистеть' и др.

Следует отметить также и то, что конечный согласный звук звукоподражательного слова (*с, ж, л, р* и др.) подвергается эмоциональному удвоению, а коренной гласный — удлинению, например:

шыжж ете түсті (здесь удвоен звук *ж*);

бірдеме шырр ете түсті (здесь удвоен конечный звук *р*);

бірдеме саарт ете түсті (здесь удлинена коренной гласный *а*);

бірдеме сатыыр ете түсті (то же — *ы*).

2. Образные слова. Если звукоподражательные слова обозначают названия слуховых впечатлений, то образные слова обозначают названия зрительно-моторных восприятий и впечатлений; например сравним два слова в следующих смежных предложениях: *Қарға қарқ етті, ірімшік аузынан салт етті* (из Крылова по Абаю), т. е. 'ворона каркнула, из ее рта сыр (творог) выпал'. Слово *қарқ* обозначает название звука, произнесенного вороной при каркании, а слово *салт* обозначает образ того зрительно-моторного ощущения, которое воспринято в результате моментального выпадения сыра.

Следовательно, эти слова обозначают образ внезапно и моментально возникшего какого-нибудь явления или действия: *кенеттен шыққан дауысқа Ботагөз «е» деуге Үлгермей, жүрісін кілт доғарып, жалт*

қарады (С. Муқанов. Жұмбақ жалау) 'На неожиданно послышавшийся голос, не успев ответить «да», Ботагөз вдруг сразу остановилась и моментально оглянулась'. Слова *кілт* и *жалт* не имеют своих адекватных эквивалентов в русском языке, мы передали их приблизительно словами 'сразу' и 'моментально', но они далеко не соответствуют как по образу, так и по значению словам *кілт* и *жалт*.

Образные слова, как и звукоподражательные, в казахском языке настолько понятны и обиходны, что составляют настоящее украшение народного языка. Эти слова представляют собою особую группу или категорию слов, служащих изобразительным средством в речи. Они употребляются исключительно в лексико-стилистическом плане. Материальной основой этих слов служит образ различных явлений движения, например: *бірдеме елең етті* 'что-то мелькнуло'.

В значении большинства образных слов характерной чертой является моментальность, внезапность возникновения образа или ощущения, например: *әлденелерді қауырт сөйлеп отырған Қайрат кілт тоқтап қалып, жалт қарады* (Сланов. Дөң асқан) 'Қайрат, рассказывающий что-то с жаром, вдруг (сразу) замолчал и моментально оглянулся'.

Образные слова по своей внешней структуре сходны с звукоподражательными словами, например: *кілт, жалт, қалт, жылт, жалп, салп* и др.

В образных словах так же, как и в звукоподражательных, внешние изменения сопровождаются переменами в их значении, например:

1) коренной гласный *а* изменяется в губной узкий гласный *ә* во втором компоненте парного слова:

жалт-жалт — *жалт-жәлт*,
жалп-жалп — *жалп-жәлп*,
қалт-қалт — *қалт-қәлт*;

2) широкий гласный изображает сильный образ, а узкий гласный — слабый образ моторно-зрительного восприятия:

жалп етті — *жылп етті*,
салп етті — *сылп етті*,
жалпылдайды — *жылпылдайды*,
тарбаң-тарбаң — *тырбаң-тырбаң*,
талтаң-талтаң — *тылтың-тылтың*,
лап-лап етті — *лып-лып етті*;

3) мягкий гласный звук в основе образного слова иногда выражает как бы тонкость или нежность действия, тогда как твердый гласный звук в том же положении выражает абсолютно противоположный образ действия, т. е. как бы грубость, неуклюжесть и т. д.;

одыраң-одыраң — *едірең-едірең*,
арбаң-арбаң — *ербең-ербең*,
алаң-алаң — *елең-елең*,
жалтылдайды — *желтілдейді*.

Из образных слов простейшего типа получают более сложные формы и при помощи повторения и при помощи аффиксации. Например:

1. Жалт	тарс	1. Жылт	тырс
2. Жалт-жалт	тарс-тарс	2. Жылт-жылт	тырс-тырс
3. Жалт-жұлт	тарс-ұрс	3. —	—
4. Жалт + ыр	—	4. Жылт + ыр	—
5. Жалт + ыл	тарс + ыл	5. Жылт + ыл	тырс + ыл
6. Жалт + ақ	—	6. —	—
7. Жалт + аң	тарс + аң	7. Жылт + ың	тырс + ың
8. Жалт + ыр + а + й + ды	—	8. Жылт + ыр + а + й + ды	—
9. Жалт + ыл + да + й + ды	тарсыл-дайды	9. Жылт + ыл + да + й + ды	тырсыл-дайды
10. Жалт + ақ + та + й + ды	—	10. —	—
11. Жалт + аң + да + ды	—	11. Жылт + ың + да + ды	тырсыл-дады
12. Жалт + ыр + а + уық	—	12. Жылт + ыр + а + уық	—
13. Жалтылдауық	тарсыл-дауық	13. Жылтылдауық	тырсың-дауық
14. Жалтақ-жалтақ	—	14. —	—
15. Жалтаң-жалтаң	тарсаң-тарсаң	15. Жылтың-жылтың	тырсың-тырсың

Как видно, звукоподражательные слова некоторыми из перечисленных форм не обладают. В частности, из звукоподражательной основы нельзя образовать формы в номерах 4, 6, 8, 10, 11, 12 и 14 указанного списка.

Что касается формы на *-уық* в номере 13, то от звукоподражательной основы она образуется от формы, указанной в номере 5 (*жалтыл*), путем присоединения сперва глаголообразующего аффикса *-да* (*жалтылда*), а затем аффикса *-уық* (*жалтылдауық*).

Что касается первоосновы и парных форм образных слов, то они не склоняются и не изменяются. В предложении и та и другая форма служат обстоятельством образа действия. Так же, как и звукоподражательные слова, они синтаксически сочетаются и с вспомогательным (*ет*) и с знаменательными глаголами.

Многие из образных слов соотносительны с некоторыми глаголами, причем к основе глагола присоединяются звук *ң* и звук *қ*, например: *қараң-қараң* (от *қара* 'черный'), *ақараң-ақарың* (от *ақар* 'белый'), *домалаң-домалаң* (от *домала* — 'перекачивать'), *жалаң-жалаң* (от 'жала', 'лизать'), *салаң-салаң*, *сумаң-сумаң*, *жалақ-жалақ*, *салақ-салақ* и др.

Эти образные слова употребляются так же, как и звукоподражательные слова.

Примеры из художественной литературы:

1) *Қашмат мұндағы үлкендерге кішкентай нәзік саусақтарын созып жалт-жалт қарайды* (Өуэзов);

2) *Аттылар лек-лек желе-жортып кетіп жатыр* (Өуэзов. Абай);

- 3) *Ыңырсып колхозымның төрт түлігі.*
Ауылдан маң-маң басып еріске өрді (Жамбыл);
- 4) *Атың сенің жараулы,*
Бүкен-бүкен желдің бе? (Алпамыс);
- 5) *Балалар елең-элең қарасты (Әуезов);*
- 6) *Талтаң-талтаң басып Нұрбожа Шейкеннің уйіне қарай жөнелді*
(С. Мұқанов).

Следует отметить, что такие образные слова, как *маң-маң*, *бүкең-бүкең* и некоторые другие, дают основание говорить, что они именно происхождения;¹ например, ср. слова *бүкір* 'горбун' и *бүкең*, *қыж-қыж* и *қыз-қыз*, *сылт-сылт*, *сылбыр* и многие другие.

Некоторые образные слова служат не только отражением зрительно-моторных, но и слуховых (звуковых) впечатлений; ср., например: *қалш-қалш* 'дрожание' (и как явление и как звук), *бүрқ-бүрқ* (и как звук и как образ) и др.

Многие звукоподражательные и образные слова изменили свои первоначальные значения и перешли в другие основные категории слов. Иначе говоря, изменение значения подражательных слов ведет к переходу их в другие основные части речи. Теряя свое первоначальное подражательное значение, с сохранением за собой образного понятия, подражательные слова постепенно превращаются то в наречия, то в имена, то в глаголы. Видимо, этим и можно объяснить то обстоятельство, что многие подражательные слова соотносительны с глаголами, именами и др., о чем было сказано нами выше.

Не вдаваясь в расследования постепенного хода развития отдельных подражательных слов, что, конечно, возможно в будущем, когда будет собран полный исчерпывающий материал, я лишь ограничусь указанием на то, что от звукоподражательных слов образуются теми или иными способами, о чем говорилось выше, имена существительные, глаголы и наречия, а от образных слов — имена существительные, имена прилагательные, глаголы и наречия.

Морфология подражательных слов еще ждет своего исследователя.

¹ Г. Мусабаяев. Семантика слова «мангыстау». Изв. АН КазССР, 1946, вып. 4/29, стр. 37—38.